

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-4-771-780

УДК 821.161.1-32

Научная статья / Research article

**Пародийный сказ
в «Совах» (советских текстах) Д. Пригова****О.Е. Романовская**

*Астраханский государственный университет,
Российская Федерация, 414056, Астрахань, ул. Татищева, 21а*
✉ rom.vs.olga@gmail.com

Аннотация. Цель статьи — изучить художественные особенности цикла прозаических текстов Д. Пригова «Совы» (советские тексты) как концептуалистского произведения. Автор статьи исследует пародийную стилизацию и обусловленные обращением к ней модификации жанра и стиля. В статье показано, как сказка, былина, предание, анекдот, житие модифицированы содержанием советского мифа, который создает квазиисторию. В «Совах» исторические деятели, политики, поэты и писатели, мифологизированные идеологией и обывательским сознанием, представлены как героипервопредки и культурные герои; жизненный путь культивируемых советским мифом личностей описан в соответствии с агиографическим канонem. Отправная точка фольклорных стилизаций и пародийных подражаний советскому искусству в цикле «Совы» — маска сказителя-пропагандиста. Пародийный сказ создан путем имитации фольклорного и публицистического стилей, их гибридизации на лексико-грамматическом и ритмико-синтаксическом уровнях. Игра с масками, стилями, жанрами в цикле Д. Пригова «Совы» впервые исследована с методологической позиции нарратологического анализа текста, что подчеркивает новизну и актуальность исследования. Автор статьи приходит к выводу о том, что Д. Пригов деконструирует советские мифологемы, демонстрируя превращение мифа в анекдот, знаменитого имени — в пустой знак, истории — в симулякр.

Ключевые слова: Д. Пригов, концептуализм, повествование, сказ, пародия, жанр, анекдот

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления в редакцию — 15 июля 2021 г.; дата принятия к печати — 30 августа 2021 г.

Для цитирования: Романовская О.Е. Пародийный сказ в «Совах» (советских текстах) Д. Пригова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 4. С. 771–780. doi: 10.22363/2312-9220-2021-26-4-771-780

A Parodic Tale in “Sovy” (Soviet Texts) by D. Prigov

Olga E. Romanovskaya

*Astrakhan State University
21a Tatishcheva St, Astrakhan, 414056, Russian Federation*

✉ rom.vs.olga@gmail.com

Abstract. The article aims to study D. Prigov’s series of prose texts “Sovy” (Soviet texts) artistic subtleties as a conceptualist work. The author of the article analyzes genre and style modifications owing to use of parodic stylization. The research exemplifies how a fairy tale, epic, legend, anecdote, hagiography are modified by the Soviet myth content, whereas creating a quasi-history. Historical characters, politicians, poets and writers, mythologized by ideology and commonplace consciousness in the “Sovy”, are presented as cultural and progenitor heroes. Life journey of characters, cultivated by the Soviet myth, is often depicted according to the hagiographic canon. The mask of a storyteller/propagandist is the starting point of folklore stylizations and parody imitations of the Soviet art in the “Sovy” series. Parodic tale was crafted by mimicking folklore and journalistic styles, their hybridization at the lexical-grammatical and rhythmic-syntactic levels. Styles, genres and masks mocking in D. Prigov’s “Sovy” series is examined at the methodological perspective of text narratological analysis for the first time, thus emphasizing the study’s novelty and relevance. The author of the article concludes that D. Prigov deconstructs Soviet mythologems, showcasing transformations of a myth to an anecdote, a famous name into an empty sign, a story into a simulacrum.

Keywords: D. Prigov, conceptualism, narration, tale, parody, genre, anecdote

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: August 15, 2021; accepted: August 30, 2021.

For citation: Romanovskaya, O.E. (2021). A parodic tale in “Sovy” (soviet texts) by D. Prigov. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(4), 771–780. (In Russ.) doi: 10.22363/2312-9220-2021-26-4-771-780

Введение

Прозаические опыты Д. Пригова изучены в меньшей степени, чем его поэтические тексты, и если поэтика романов Д. Пригова глубоко исследована в работах И. Кукулина, М. Ямпольского, А. Чанцева, то его малая проза, во многом экспериментальная, оказалась на периферии исследовательского интереса; между тем она содержит важнейшие для понимания творчества Д. Пригова художественные решения. Сборник текстов под названием «Совы» (советские тексты) реализует основной принцип соц-арта: гиперидентификация нарративов советского мифа с целью его деконструкции. Доминирующий фактор циклообразования – стилизация фольклорного сказа и языка советской пропаганды. Имитационный принцип текстообразования распространяется на стиль, тип нарратора, форму наррации.

Приемы создания пародийного сказа

По мнению Н.А. Кожевниковой, «типы повествования в художественном произведении организованы обозначенным или необозначенным субъектом речи и облечены в соответствующие речевые формы» [2. С. 3–4]. Основной субъект речи в «Совах» — псевдофольклорный сказитель, носитель и пропагандист советской идеологии. Д. Пригов создает речевой портрет нарратора с помощью приемов имитационно-подражательных, имманентных сказу, и пародийно-комических, модифицирующих его в необходимом автору направлении.

Первые соотносятся с созданием особого темпоритма. В «Совах» ритм образуют повторы однотипных конструкций. Стилизация фольклорного сказа обуславливает разнообразные инверсии. Преобладают предложения с инверсией подлежащего и сказуемого, подражающие былинной интонации: *и родились у них три сына, прочел царь эту книгу, задрожал тут племянник Геккерена*. Ритмообразующим свойством обладает неоднократное инверсионное вынесение в начальную позицию наречий и частиц: «тут пробился сквозь толпу гонец и сообщил» [7. С. 679], «еще пуще волнуется народ» [7. С. 684]. Имитирует нелитературную разговорную речь сказителя анафора: «а тут Наполеон без объявления войны перешел наши государственные границы... А Пушкин им и отвечает... А там только и разговору» [7. С. 678–679]; «и обнаружился у него необыкновенный дар... И ушел он из дома... И приснилось ему» [7. С. 697–698]. Стоящие в начале предложения союзы не только создают ритм, но и интонируют текст, придавая ему спокойно-эпический или патетически-торжественный пафос.

Пародийно-комическую направленность сказа Д. Пригова обнаруживает лексическо-фразеологический уровень. Фольклорные элементы: троекратные повторы, характерные зачины и концовки, постоянные эпитеты («боевой конь», «зычный голос», «коварный враг», «брачный пир»), гипер-

болы («он был росту огромного и силы непомерной») — такой же объект игры, как и советские штампы: «группа товарищей из ЦК», «обличал трусость и разложение высшего общества», «лично наградил... сурово наказали». Эти группы слов образуют гибридные сочетания, создающие комический эффект: «была в ту пору сложная внутренняя и внешняя политическая ситуация» [7. С. 678], «подивились товарищи из ЦК» [7. С. 672], «опечалился Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР товарищ Хрущев» [7. С. 686], «Давно жил в Москве видный работник одного министерства по фамилии Алексеев» [7. С. 690], «и не могла по климатическим причинам вовремя прибыть подмога» [7. С. 674], «прилетели советские хоккеисты в стан врага» [7. С. 687].

Маска неперсонифицированного сказителя, выражающего народное миропонимание и мировосприятие, позволяет раскрыть механизмы мифологизации реальности, обнажить устойчивые паттерны коллективного бессознательного, деконструировать советскую мифологию, которая, по мнению О.В. Эдельман, «родилась в сложном взаимодействии пропаганды и воспринимающей ее аудитории...» [11. С. 53].

Игра с советским мифом

В цикле Д. Пригова представлена имитация фольклорных текстов, отражающих мифы советского сознания. Жанровые модели сказки, былины, предания, жития Д. Пригов наполняет новым содержанием: героев-первопредков заменяют лидеры российской коммунистической партии, революционеры; богатырей героического эпоса — герои Гражданской и Великой Отечественной войн, персонажи литературы соцреализма; агиографический сюжет приложим к биографиям персон, культивируемых советским мифом. Сакральному времени мифа, описанному в народном эпосе, соответствует эпоха рождения и становления нового государства.

По словам Е.М. Мелетинского, «мифологическое моделирование осуществляется посредством повествования о некоторых событиях прошлого» [6. С. 154]. В «Совах» прошлое обозначено с помощью традиционных зачинов: «давно это было...», «была в ту пору...», «жил давно на Руси...», «давно жил в Москве...».

Поэтика мифа предполагает существование в сакральном времени первопредков, являющихся прародителями новых мужчин и женщин. В открывающем цикл тексте «Делегат с Васильевского острова» обнаруживается комплекс представлений о первопредке-прародителе, мифы о котором «описывают создание упорядоченного социума» путем брака с представителем «чужого рода» [6. С. 167]. Таковым в тексте Д. Пригова становится «делегат с Васильевского острова» — молодая партийная девушка с «огромной русой косой», участница съезда РСДПР в Цюрихе. Сказитель контаминирует сюжет мифа о первопредке с элементами сказки: мотивом испытания невесты,

его троекратным повтором, благополучным финалом, завершающимся свадьбой. «Ложные невесты» — дочери Маркова и Плеханова, «толстые, старые, с некрасивыми лицами» [7. С. 672] — посрамлены. Брак Ленина и Надежды Константиновны Крупской (именно она оказывается делегатом с Васильевского острова) — начало истории страны, символическая основа для создания государства рабочих и крестьян. «И родились у них три сына. Первый пошёл в крестьяне, второй в рабочие. Третий — в солдаты. Растут сыновья, и все больше продуктов даёт стране первый сын, все больше товаров даёт стране второй сын, все зорче стережёт страну третий сын» [7. С. 673].

Культурным героем иного типа, героическим борцом с силами хаоса, показан Сергей Лазо в тексте «Вечно живой». Его образ создан в соответствии с былинным принципом гиперболизации: «огромный, белокурый», «с громopodobным голосом». Изображение героической борьбы Лазо с тридцатью миллионами китайцев имеет для модели сакрального времени важное символическое значение: погибая, герой обретает черты умирающего и воскрешающего бога, о чем свидетельствуют название и финал текста. «С воинскими почестями похоронили Лазо и памятник ему поставили. А рядом поставили памятник Ленину. И как посмотрит Лазо на Ленина, так словно вспыхивает жизнь в его бронзовых глазах» [7. С. 677].

Мифологизирующее сознание переводит образ Лазо из реально-исторического времени в условно-героическое прошлое, где единичность и универсальность факта теряют свою ценность. Д. Пригов демонстрирует, как в квазиистории смещаются акценты, на первом плане оказываются фобии, комплексы и травмы коллективного бессознательного: вместо классовой борьбы с белогвардейцами и японцами описан конфликт национально-расовый: Лазо — «огромный, белокурый», китайцы — «маленькие, желтенькие, проворные».

В «Совах» Д. Пригов обнажает основные принципы механизма мифологизации прошлого — деиндивидуализацию, коллажность, героизацию. Гибрид фольклорно-эпического и пропагандистско-идеологического создает ощущение абсурдности и нелепости, фантазмагоричности.

В тексте «Звезда пленительная русской поэзии» абсурдизирован советский миф о «великом русском поэте». Место «великого поэта» прошлого в советской культуре было отведено А.С. Пушкину. Как отмечает А.А. Кобринский, к 1937 году, столетию смерти поэта, «завершалась советская канонизация Пушкина» [1. С. 374].

Мифологизированный образ «великого русского поэта» основан на представлении о нем как о культурном герое, который помогает людям: Пушкин «один понимал всю опасность, нависшую над Россией. Где мог, обличал он Наполеона... трусость и разложение высшего общества... призывал народ готовиться к борьбе с захватчиками: копать траншеи, собирать оружие и бутылки с зажигательной смесью, сжигать хлеб и не сдаваться в плен» [7. С. 678]. В образе Пушкина контаминируются черты общественного деятеля («Я нужен народу, а честь народа выше личной»), радикального революци-

онного демократа («и отказали Пушкину от дома друзья Тютчев и Тургенев»), гениального полководца («русский народ, благодаря умелой диспозиции великого поэта, разгромил французов на Бородинском поле») [7. С. 680–681]. Меняется каузальность судьбы поэта. Причина дуэли теперь не в личном оскорблении, нанесённом Дантесом, а в том, что «задета честь всех русских женщин» [7. С. 680]. Как и в поэзии, в прозе Д. Пригов обыграл «литературоцентристское представление о поэте как воплощении высшей власти, как носителе божественного знания и искупителе национальных грехов... Представление это не имеет ничего общего с реальным творчеством того или иного “великого русского поэта”, — это безличный миф» [4. С. 257].

Похоже представлен образ «великого русского писателя» в тексте «И смертью врагов попрали». Он не назван по имени, его биография соткана из домыслов и фактов жизни А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Максима Горького.

В картине мира советского человека важное место занимает концепт «герой». Героическое в сознании советского человека связано с самопожертвованием и подвигом во имя светлого будущего, блага страны, поэтому лейтмотив героической смерти становится сквозным в «Совах»: Лазо, Пушкин, «великий русский писатель», Алексеев, Вучетич, советские хоккеисты — жертвуют своими жизнями. Полем боя становится даже спортивная арена.

В «Битве за океаном» сражение переносится на ледовый каток. Элементы былинной поэтики (мотив поединка, гипербола, троекратные повторы) придают событиям второй половины XX века характер эпического действия. Гротеск разоблачает бесчеловечность советского лозунга «Победа любой ценой». Гибель всей хоккейной команды одновременно и комична (в силу своего неправдоподобия), и драматична, поскольку хоккеисты — жертвы партийно-номенклатурной установки: «не гоже, чтобы американец над советским торжествовал» [7. С. 686]. Девальвация ценности человеческой жизни показана в «Битве за океаном» сквозь призму идеологизированного сознания, увидевшего в гибели хоккейной команды героический подвиг спортсменов во имя престижа советского государства. Однако здесь же происходит перекодировка значения сюжета. Былинный сказитель, описавший серию спортивных поединков между хоккеистами-богатырями, трансформируется в рассказчика анекдота. Текст имеет не былинный зачин, а анекдотический: «Поспорили как-то Никсон, Президент американский, с первым секретарем ЦК КПСС и Председателем Совета Министров СССР товарищем Хрущевым, чей хоккей лучше» [7. С. 686].

Былинная интонация и патетика героического вкупе с пропагандистским стилем — отсылка к так называемым «новинам» — псевдофольклорному жанру, искусственно созданному в 1930-е годы и описанному в монографии Ф. Миллера «Сталинский фольклор». Анализ новин «Сказание о Ленине», «Чапай», «Слава Сталину будет вечная», «Клим да свет Ворошилович» приводит автора к выводу об их «мозаичности»: традиционная сюжетная схема былины, общие места, эпические формулы, традиционный язык соединяются с языком лозунгов [5. С. 155].

В «Совах» пародийно воспроизведен принцип миромоделирования новин, основанный на попытке недавние исторические события описать с эпической дистанции, мифологизировать «вождей революции» и создать химерический советский эпос, выполняющий функции агитки.

Новины, имитировавшие фольклор под диктатом государственной идеологии, пропагандировали ценности советского мира. Конечно, не очень умело, малохудожественно и не очень эффективно. Они радикально отличались от естественно возникшего в сталинское время фольклора. Приговские тексты расшатывают официально-идеологические смыслы и подрывают советскую идеологию. Д. Пригов, гипертрофируя нелепость и абсурдность, присущие социалистическому реализму, обнажает симулятивность советской концептосферы через смеховое начало.

В «Повести о трижды герое Советского Союза Алексееве» приемом, комически вскрывающим мнимое значение советских мифологем, становится пастиш соцреалистического монументально-героического эпоса. Подвижнический путь Алексеева содержит аллюзии на роман «Как закалялась сталь» Н. Островского (работа в Сибири), «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого (ампутация обмороженных ног и замена их протезами), очерки о войне «Человек из легенды» О. Костюнина (спасение немецкой девочки из-под огня). Обыгрываются мотивы агиографической литературы. К житийной традиции отсылают обстоятельства рождения и взросления героя. Родители Алексеева «благочестивы»: отец — «видный работник одного министерства, член партии с 1905 года», мать — «честная женщина и член партии». Герой отказывается от брака для подвижнического подвига (работа в Сибири, участие в войне), испытывает добровольное мученичество («в лютый мороз, без сапог, без лопаты, голыми руками рыл землю»), предчувствует собственную кончину (перед смертью на листке бумаги «написал он... всю свою жизнь»). Наконец, с героями житийной литературы его сближают посмертные чудеса: «он был мёртв, но лицо его светилось» [7. С. 692]. Алексеев становится трижды героем Советского Союза, что вполне можно интерпретировать как пародийную канонизацию.

В «Повести о трижды герое Советского Союза Алексееве» повествователь уже не былинный сказитель или сказочник, он, скорее, агиограф, деиндивидуализированный медиатор между надличными силами, в данном случае — государственными — и читателем. Гибрид элементов жития и мотивов соцреалистической литературы создаёт комический эффект, разрушительный для советского мифа.

В «Двадцати рассказах о Сталине» обыграны былинные и агиографические традиции. Герой этих рассказов «тяжело болел и до 14 лет не ходил... был гигантского роста» [7. С. 693], обладал богатырской силой: «Сталин разорвал подкову на две части». Подобно святому, он предвидит свою кончину. Сталин — носитель черт значимых фигур советской мифологии. Сталин, как Чапаев, — участник Гражданской войны, с Иваном Грозным его сближает сыноубийство и мнимое отречение от власти, с

Иисусом Христом — мотив воскрешения мертвого. Имя Сталина, отчужденное от его носителя, превращается в симулякр, знак, который с легкостью можно поменять местами с другими знаками.

Использование маски сказителя, а затем агиографа вкупе с советским публицистическим дискурсом создает в цикле «Совы» определенные повествовательные алгоритмы, что придает нарративу некую инерцию.

Анекдотизация нарратива в «Двадцати рассказах о Сталине»

В микроцикле «Двадцать рассказов о Сталине» возникшая инерция нарушена введением жанровых элементов анекдота: например, анекдотических зачинов. По мнению А.Д. Шмелева и Е.Я. Шмелевой, «типичное начало анекдота — предложение, начинающееся глаголом в настоящем времени, за которым следует подлежащее, а затем — все второстепенные члены предложения» [10. С. 33]. Эта отличительная черта анекдота эксплицирована в «Двадцати рассказах о Сталине»: «въезжает Иосиф Виссарионович... идет Иосиф Виссарионович... гуляет Иосиф Виссарионович». Между тем пятнадцать текстов из двадцати начинаются с наречия «однажды», что становится отсылкой к «Случаям» Д. Хармса, у которого «*Однажды* как интродуктивный зачин становится... той границей, которая отделяет хармсовские „Анекдоты...“ как литературный жанр от бытового анекдота» [9. С. 46].

В рассказах появляются персонажи анекдотов: сам Сталин как объект анекдотизации, Карл Радек, Анка-пулеметчица, народ, депутаты, американцы, немец. Сталин словно кочует в анекдоты разных серий:

«Однажды, вернувшись из похода, слезает Иосиф Виссарионович с коня, вытирает шашку о полу шинели. Подбегает к нему Анка-пулеметчица и кричит: „Белого притаранили!“». Посмотрел Сталин на нее внимательно, по-серьезнел и отвечает: „Ах, Анка, Анка, сколько раз я тебе говорил, что нет такого слова: таранить. Надо уважать великий русский язык“» [7. С. 693].

Комический эффект создает последняя реплика, ее неуместный дидактический пафос в контексте диалога. Поучительными афоризмами завершаются и остальные рассказы о Сталине, что позволяет соотнести их с жанром апофегмы, «короткого рассказа об остроумном, поучительном ответе или поступке великого человека — царя, полководца, философа» [3. С. 233]. Но если цель апофегмы — «внести новые штрихи в круг представлений о государственном деятеле, философе, писателе, целой эпохе» [3. С. 233], то цель приговских рассказов о Сталине — травестировать образ политика. Повествователь стремится обнаружить в Сталине черты идеального правителя, однако делает это неумело, примитивно. Однообразие синтаксических конструкций и лексики, бедность и трафаретность фабулы, псевдомудрость Сталина обнажают искусственность жанровой конструкции, что в итоге приводит к стертости атрибуций. Апофегма становится безжизненным ритуалом возвеличивания «отца народов».

Минимализм ремарок, примитивность стиля отсылают к советской литературе, посвященной вождю, к «поэтике простоты» детской сталинианы [8. С. 455]. Низкий статус, которым обладал ангажированный государством советский писатель, обезличивание автора, стертость индивидуально-авторского начала как характерная черта литературы 1950-х годов — один из аспектов художественной рефлексии и в то же время объект пародирования в «Совах» Д. Пригова.

Заключение

Центральной темой цикла становится тема выхолащивания смыслов, существования в мире концептов, ярлыков, взаимозаменяемых знаков. Жанровый и нарративный эксперимент Д. Пригова направлен на деконструкцию архетипических паттернов советского массового сознания. Имитация сказки, былины, предания, жития в сочетании с пародированием советской художественной и публицистической литературы создают пародийный тип сказа, гротескно и комически изображающий мифы советской истории.

Библиографический список

- [1] *Кобринский А.А.* Даниил Хармс. М.: Молодая гвардия, 2009. 508 с.
- [2] *Кожевникова Н.А.* Типы повествования в русской литературе XIX–XX веков. М.: ИРЯ, 1994. 332 с.
- [3] *Курганов Е.Я.* Анекдот как жанр русской словесности. М.: Arsis Books, 2014. 264 с.
- [4] *Липовецкий М.Н.* Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 848 с.
- [5] *Лойтер С.М.* Былина-панегирик, плач-панегирик, сказка-панегирик // Труды Карельского научного центра РАН. 2010. № 4. С. 154–157.
- [6] *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.: Академический проект; Мир, 2012. 331 с.
- [7] *Пригов Д.А.* Москва. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 952 с.
- [8] *Хеллман Б.* «Великий друг детей». Образ Сталина в советской детской литературе // История и повествование: сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 446–460.
- [9] *Цвигун Т.В.* Однажды в нарративах Д. Хармса // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 8. С. 44–48.
- [10] *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.* Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. 144 с.
- [11] *Эйдельман О.В.* Легенды и мифы Советского Союза // Логос. 1999. № 5 (15). С. 52–65.

References

- [1] Kobrinskij, A.A. (2009). *Daniil Harms [Daniil Harms]*. М.: Molodaja gvardija. (In Russ.)
- [2] Kozhevnikova, N.A. *Tipy povestvovanija v russkoj literature XIX–XX vekov [Types of narrative in Russian literature of the XIX–XX centuries]*. М.: Russian Language Institute, 1994. (In Russ.)

- [3] Kurganov, E.Ja. (2014). *Anekdot kak zhanr russskoj slovesnosti*. Moscow: Arsis Books. (In Russ.)
- [4] Lipoveckij, M.N. (2008). *Paralogii: Transformacii (post)modernistkogo diskursa v russskoj kul'ture 1920–2000-h godov*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- [5] Lojter, S.M. (2010). Bylina-panegirik, plach-panegirik, skazka-panegirik. *Trudy Karel'skogo nauchnogo centra RAN*, (4), 154–157. (In Russ.)
- [6] Meletinskij, E.M. (2012). *Pojetika mifa*. M.: Akademicheskij proekt; Mir. (In Russ.)
- [7] Prigov, D.A. (2016). *Moskva. Sobranie sochinenij*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- [8] Hellman, B. (2006). “Velikij drug detej”. *Obraz Stalina v sovetskoj detskoj literature*. In *Istorija i povestvovanie: sbornik statej* (pp. 446–460). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- [9] Cvigun, T.V. (2014). Odnazhdy v narrativah D. Harmsa. In *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, (8), 44–48. (In Russ.)
- [10] Shmeleva, E.Ja., & Shmelev, A.D. (2002). *Russskij anekdot: Tekst i rechevoj zhanr*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.)
- [11] Jeidel'man O.V. (1999). Legendy i mify Sovetskogo Sojuza. In *Logos*, 5(15), 52–65. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Романовская Ольга Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Астраханского государственного университета. ORCID: 0000-0002-7700-5163; e-mail: rom.vs.olga@gmail.com

Bio note:

Olga E. Romanovskaya, Astrakhan State University, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Literature, Astrakhan State University. ORCID: 0000-0002-7700-5163; e-mail: rom.vs.olga@gmail.com